

**Нас называли «камикадзе»**

Август – сентябрь 1986 года... Два этих месяца в судьбе Василия Алексеевича Федосеева, нашего земляка, уроженца Берсеневских Выселок...



Сколько мне идти – не сосчитать. Сколько мне песен сложить – неизвестно. Где она, та последняя пядь...



Наша задача – обеспечить безопасность населения. Мы работаем в условиях повышенной опасности...

Сколько мне идти – не сосчитать. Сколько мне песен сложить – неизвестно. Где она, та последняя пядь, на которой останавливается сердце?! – напишет он уже дома в одном из стихотворений, посвящая его своей бригаде, возводившей «саркофаг» над четвертым энергоблоком Чернобыльской АЭС. «Из семнадцати нас осталось четверо», - добавит чуть позднее.

Наша задача – обеспечить безопасность населения. Мы работаем в условиях повышенной опасности. Мы собираем щитовые домики, где нам предстояло жить. Сразу же поняли: до зимы с аварией не управиться. Земляка из Саранска, Виктора Шпадырева, направили управлять демонтажом шестого блока. Бетонные плиты и блоки куда-то отправляли. – В тот же «саркофаг», - пояснил нам потом Виктор. – Мы такие

Многие годы в судьбе Василия Алексеевича Федосеева, нашего земляка, уроженца Берсеневских Выселок, многое переопределили в судьбе Василия Алексеевича Федосеева, нашего земляка, уроженца Берсеневских Выселок. ССН, принимавшие участие в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС.

**Август – сентябрь 1986 года... Два этих месяца многое переопределили в судьбе Василия Алексеевича Федосеева, нашего земляка, уроженца Берсеневских Выселок.**

Сколько мне идти – не сосчитать, Сколько мне песен сложить – неизвестно.

Где она, та последняя пядь, На которой останавливается сердце?! – напишет он уже дома в одном из стихотворений, посвящая его своей бригаде, возводившей «саркофаг» над четвертым энергоблоком Чернобыльской АЭС. «Из семнадцати нас осталось четверо», - добавит чуть позднее.

В Чернобыль Василий Алексеевич поехал добровольцем – не мог оставаться в стороне от беды, черным крылом накрывшей землю.

- Пошел в военкомат, назвал себя плотником «правой руки», как говаривал покойный дед, прошел медкомиссию, и вот она – повестка. Купил десятилетнему сынишке пистолет на память. Там хоть и не стреляют, но мало ли что?!

Сначала нас отправили в Ульяновск. Слухов полно было. Разных. Одни уверяли, что опасности и нет совсем, но я ведь служил в ракетных войсках, понимал, что такое радиация, - вспоминает Федосеев.

- 8 августа приехали в Иванковский район, это уже под Чернобылем. Разместили нас в палатках. Говорили, что дождевые тучи разгоняют спецустановками. Над станцией туч нет, но ведь они плыли дальше, туда, в Россию! Об этом старались не думать.

Мы находились за тридцать километров от реактора, но грунт там тоже был заражен, и нам ежедневно приходилось разравнивать гравий, который привозили на большегрузных машинах. Также собирали щитовые домики, где нам предстояло жить. Сразу же поняли: до зимы с аварией не управиться. Земляка из Саранска, Виктора Шпадырева, направили управлять демонтажом шестого блока. Бетонные плиты и блоки куда-то отправляли. – В тот же «саркофаг», - пояснил нам потом Виктор. – Мы такие

вкрапления «изюмом» называем.

18 августа прибыли в Чернобыль. Проводили дезактивацию помещений, мыли полы, белили стены, расставляли койки, готовили здания, чтобы принять новое пополнение ликвидаторов. Там же встретился с земляками: Валерием Антоновым, Камилем Искандяровым, Геннадием Сайгиным и другими ребятами. Несмотря ни на что, настроение было приподнятое. Даже временами какое-то чувство гордости – вот и мы пригодились. О смертоносных рентгенах старались не думать. Хотя это только говорить так легко, а на самом деле... Вот всего один эпизод. Поймали одичавшую курицу. Они там, словно фазаны, ночевали прямо на деревьях. Хотели было сразу в суп, но все же вызвали дозиметриста. Измерил – зашкаливает. Ощипали перья – результат тот же. И все же сварили в эмалированной ведерке на костре. Вроде тогда обошлось. А вот один парень «хватанул» дозу. В Припяти зашел в пустой дом, где в холодильнике обнаружил водку и продукты. Выпил, закусил. Его потом особисты хотели обвинить в мародерстве, да не успели – парня отправили в Киев в реанимационный центр.

Большой опасности подвергались и некоторые из местных жителей – они разбирали в селах свои дома и вывозили срубы на продажу. Мало того, что сами хватали при этом рентгены, так ведь и тех, кто, не зная, откуда «дровишки», покупал, под удар ставили! Вот уж жадность человеческая! Поистине, предела не имеет.

В садах на деревьях висели просто роскошные яблоки, но их есть запрещалось. Иногда, правда, запрет этот мы нарушали, хотя кормили нас отменно.

- Сначала на объект выезжали химики-разведчики, находились там не более трех-пяти минут. Потом ехали мы. На все про все отводилось тоже не более трех-пяти минут. Что мы могли успеть за такое короткое время? И все же... Мы обслуживали насосы, подающие жидкий бетон на стены «саркофага». Оператор – в защищенной кабине, а мы – снаружи. С очередной машиной прибывали к южной стороне четвертого, поврежденного блока станции, сбрасывали с внешней решетки насосов крупные камни, откапывали емкости, если кто-то из шоферов в спешке выгружал бетон мимо. Потом следовало возвращаться, но если не было попутной машины, прятались в укрытие. Затем в строительном вагончике ожидали бронированный автобус, чтобы уехать в Чернобыль, а затем уже – в Иванково.

Один парень решил рискнуть и задержался подольше, даже еще бетон бросал. Потом упал. Я поехал за ним на бронетранспортере. У парня уже шла из ушей кровь. Его сразу же увезли в госпиталь. Вряд ли выжил. Как те пожарные, первыми вступившие в схватку с радиацией. Их потом даже хоронить боялись – так «фонили». Рассказывают, что и их могилы долго не навещали, не знаю, как сейчас...

Дает «химдым» сегодня три минуты  
По крыше, как по кратеру, пройти,  
Пройти и подобрать кусок графита,  
И опустить в контейнер по пути.  
И ты свой долг, считай, уже исполнил.  
Скорее в душ. И через день – домой.  
Не вспоминать про изотоповолны.  
Пройти... Сейчас... И мысли нет другой.

Что еще запомнилось? Мертвый город - это действительно страшно. Где нет голосов

людей, детского смеха, где лишь ветер бросает в слепые, темные окна пригоршни пыли. Радиоактивной...

А еще лес. Представьте себе хвойный лес, где на деревьях желтые иглы. Мертвая земля.

Может, вы никогда не увидите,  
Как среди яркого, желтого мая  
Полосою к закату от Припяти  
Сосны рыжую хвою теряют.  
Им не выдали респираторов,  
Вместо дождика – с неба рентгены...  
Мирный атом плеснул характером,  
Ну, а если плеснет военный?!..

- Наша одежда, обувь «звенели» постоянно, - говорит Василий Алексеевич. – Нас начали называть «камикадзе». Правда, старались держаться от нас подальше. Радиации сверх лимита хватало постоянно. И когда проемы в южной стене «саркофага» заделывали, и когда выгружали бетонное сооружение типа будки, чтобы скрываться в нем в случае, когда транспорт задерживается. Тогда я пробыл там около тридцати минут. Голова начала кружиться, слабость. Набрал в медпункте аспирина, других лекарств не было, да и медики не знали, какие тут лекарства помогут. Хватанувших лишнюю дозу отправляли в Киев, в реабилитационный центр, но некоторые ребята не показывали виду, скрывали показания дозиметров. И чем такая храбрость закончилась? Об этом тоже лучше не думать.

Один раз на крышу «саркофага» пустили какой-то механизм, он собирал обломки графита, выброшенные взрывом. Мы окрестили это чудо техники луноходом. А на другой день на разводе уже выкликали добровольцев вручную собирать графит и заодно застопорить луноход, чтобы его мог снять оттуда вертолет. Потом поползли слухи, что вертолет разбился. И снова вызывали добровольцев, после двух «ходов» на крышу обещали «дембель», денег, а в случае потери кормильца – родственникам – квартиру или машину. В случае инвалидности кормильца – пожизненную пенсию в огромных размерах. Из нашей бригады вызвались несколько человек. Зачем? В нас итак тогда уже было рентгенов выше головы...

Домой Василий Алексеевич вернулся в сентябре. В октябре уже был в больнице. Потом – инвалидность. И все же он нашел в себе силы бороться с недугом. Испробовал все: традиционную медицину, народные средства. Помогло. И сейчас он полностью посвятил себя творчеству, продолжает писать стихи, изливая в них свои мечты и чаяния, то, что тревожит или волнует. «Утоли моя печали» - сборник стихов о любви, «Русь зоревая» - стихи о Родине, о России, о талантливых людях, поразивших автора.

- Жизнь продолжается! И она прекрасна! – написал Василий Алексеевич в одном из своих сборников.

ЕЛЕНА СЕВАСТЬЯНОВА.